

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-218-245>
<https://elibrary.ru/BKFGCU>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"

© 2024. В. Л. Проскурина

Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия

Идеи развития российского военно-морского флота в маринистической трилогии А. Е. Конкевича

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01643 «Русская маринистика середины XIX – начала XX в.: идеология, эстетика, технология», <https://rscf.ru/project/24-28-01643/>

Аннотация: В статье вводится в научный оборот литературное наследие А. Е. Конкевича, который известен в большей степени как морской офицер и общественный деятель. Однако художественная маринистика автора представляет интерес как с исторической точки зрения, так и с литературоведческой. Морской офицер Конкевич, мечтавший об идеальном устройстве военно-морского флота России, не просто излагает свои фантазии о составе и локализации флота, но и облекает их в художественную форму. Статья посвящена анализу романов Конкевича «Крейсер “Русская Надежда”», «Роковая война 18?? года», «Черноморский флот в ???? году», представляющих собой трилогию о морских войнах. В этих произведениях Конкевич раскрывает актуальные для второй половины XIX в. дискуссии об организации военно-морского флота России. Писатель в фантастической форме излагает пути развития российского флота, способы его реформирования. Автор создает экспрессивные картины боя, гиперболизированно противопоставляет нравственную силу, смелость русских моряков и технические возможности врага, беспомощность его экипажа.

Ключевые слова: А. Е. Конкевич, маринистика, военно-морской флот, Россия, фантастика, утопическое изображение, дискуссия, батальные сцены, ирония, антитеза.

Информация об авторе: Вера Леонидовна Проскурина, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-0252-1343>

E-mail: vera0804@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 18.06.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 29.08.2024

Дата публикации статьи: 25.12.2024

Диа цитирования: Проскурина В. Л. Идеи развития российского военно-морского флота в маринистической трилогии А. Е. Конкевича // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 4. С. 218–245. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-218-245>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 4, 2024, pp. 218–245. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 4, 2024, pp. 218–245. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. Vera L. Proskurina
Saint-Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

The Ideas of the Development of the Russian Navy in the Marinistic Trilogy by A. E. Konkevich

Acknowledgments: This work was carried out with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01643 “Russian Marine Texts of the mid 19th – Early 20th Century: Ideology, Aesthetics, Technology” (<https://rscf.ru/project/24-28-01643/>).

Abstract: This article attempts to introduce the literary heritage of A. E. Konkevich, who is known mostly as a naval officer and public figure, into scientific circulation. However, the author’s artistic marine painting is of interest both from a historical point of view and from a literary one. Naval officer Konkevich, who dreamed of the ideal structure of the Russian Navy, not only sets out his fantasies about the composition and localization of the fleet but also puts them into artistic form. The article examines Konkevich’s novels “Cruiser ‘Russian Hope’,” “Fatal War 18?? Year,” “Black Sea Fleet in ???? Year,” representing a trilogy about naval wars. In these works, Konkevich reveals the discussions relevant to the second half of the 19th century about the organization of the Russian Navy. The writer in a fantastic form sets out the ways of development of the Russian navy and ways of reforming it, and reviving the strength of the Russian navy and army. The author creates expressive pictures of the battle and hyperbolically contrasts the moral strength and courage of Russian sailors with the technical capabilities of the enemy and the helplessness of his crew.

Keywords: A. E. Konkevich, marine painting, navy, Russia, fantasy, utopian image, discussion, battle scenes, irony, antithesis.

Information about the author: Vera L. Proskurina, PhD in Philology, Saint-Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-0252-1343>

E-mail: vera0804@yandex.ru

Received: June 18, 2024

Approved after reviewing: August 29, 2024

Published: December 25, 2024

For citation: Proskurina, V. L. “The Ideas of the Development of the Russian Navy in the Marinistic Trilogy by A. E. Konkevich.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 4, 2024, pp. 218–245. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-218-245>

История русской литературы неотделима от масштабных общественно-исторических событий. Именно художественная литература становится рупором идей, взглядов, позиций прогрессивной части населения. Одним из объектов споров среди российской общественности во второй половине XIX в. становится вопрос возрождения и развития военно-морского флота. Это связано с тем, что по итогам Крымской войны (1853–1856 гг.), в соответствии с Мирным договором, подписанным в Париже, Черное море было объявлено нейтральным, а Россия лишилась права иметь военный флот на нем. Пути развития флота обсуждались не только в правительственных кругах, но и в публицистике, научной и художественной литературе. Так, маринистическое творчество А. Е. Конкевича является как источником информации об актуальных в конце XIX в. вопросах военно-морского флота, так и средством передачи точки зрения автора на проблемы флота и способы их решения.

В литературоведении до настоящего времени творчество Конкевича рассматривалось лишь эпизодически. В работах А. А. Михайлова [Михайлов], С. А. Зонина [Зонин], В. В. Носкова [Носков] кратко изложена биография Конкевича и определена его роль в выборе места для военно-морской базы на Мурманском побережье в 80-е гг. XIX в. В исследованиях В. А. Болтрукевича отмечена роль Конкевича в развитии теории крейсерской войны, изложенной автором в литературном произведении «Крейсер “Русская Надежда”». Однако в работах названных исследователей не содержится системного анализа маринистических романов автора. В связи с этим считаем необходимым изучение трилогии романов Конкевича «Крейсер “Русская Надежда”», «Роковая война 18?? года», «Черноморский флот в ???? году», в которых раскрывается взгляд автора на способы возрождения и развития военно-морского флота России, признанного автором мощной силой российской армии.

Александр Егорович Конкевич (1842–1917?) всю свою жизнь посвятил военно-морскому флоту России: был морским офицером и писате-

лем-маринистом, черпавшим свои сюжеты из собственных концепций развития российского флота, которые могли показаться современникам писателя нереалистичными. В 17-летнем возрасте был зачислен юнкером во флот и с тех пор не расставался с морем и флотом. Опыт морских впечатлений будущий писатель получил из многочисленных плаваний по Балтийскому и Средиземному морям (1860–1863) и кругосветных путешествий (1864–1866, 1869–1873). Русско-турецкая война 1877–1878 г. изменила жизнь морского офицера. Конкевич был участником боевых действий на Дунае, а по окончании войны Дунайская флотилия была расформирована, и ее часть по велению императора Александра II была отправлена в Болгарию, где было создано автономное княжество с русским управлением, и стала ядром нового военно-морского флота. Капитан-лейтенант Конкевич стал командиром только что созданного флота Болгарии и внес существенный вклад в его развитие: занялся обучением экипажей, способствовал «открытию Машинной школы», ставшей первым техническим училищем в Болгарии, и «улучшению материально-технической базы флотилии» [Михайлов 2016а: 39]. Однако в 1883 г. капитан был обвинен по сфабрикованному делу в присвоении казенных средств и после пятимесячного заключения и активной защиты был оправдан болгарским судом, вернулся на родину. В России не стали разбираться в тонкостях дела, и Конкевич был вынужден подать в отставку. Современники Конкевича считали, что травля писателя была обусловлена тем, что он «расходился во взглядах со своим начальством и писал разные статьи против морского министерства» [Витте: 358]. Позже Конкевич был управляющим отдела торгового мореплавания Министерства финансов, членом Совета министерства торговли и промышленности, заместителем председателя Ученого комитета торгового мореплавания и всегда «отстаивал интересы монополистического капитала» [Рейтблат: 57].

Карьера морского офицера сменилась карьерой публициста и писателя. Несмотря на то, что первая публикация относится к 1868 г. (статья «Управление шлюпками в бурунах и приставание к берегу или судам в бурную погоду» в «Морском сборнике»), литературная известность приходит к Конкевичу во второй половине 80-х гг. XIX в., когда писатель начинает активно сотрудничать с журналом «Русское судоходство», где публикует романы-утопии «Крейсер “Русская Надежда”» (1886 г., опубликован под псевдонимом А. К.), «Роковая война

18?? года» (1888 г., опубликован под псевдонимом А. Беломор), «Черноморский флот в ???? году» (1890–1891 г., опубликован под псевдонимом Максимилиан Гревизирский).

Морские произведения Конкевича — самобытное явление в русской маринистической литературе. Романы «Крейсер “Русская Надежда”», «Роковая война 18?? года», «Черноморский флот в ???? году» синтезируют общеизвестные факты о дискуссиях второй половины XIX в., личные наблюдения, точку зрения автора-«летописца» и фантазии о великом будущем российского флота и России в целом. Романы представляют собой трилогию, объединенную преемственностью сюжета, повторением мотивов и идей, действием одних и тех же героев.

В романах автор отказывается от использования конкретного времени действия, заменяя даты вопросительными знаками. Такой прием можно считать авторской аллегорией — умышленным завуалированием даты с точным и однозначным контекстом. Конкевич понимал, что тактика ведения войны, которую он показывает беспроегрешной в романах, не будет оценена критикой и тем более Морским министерством, поэтому, оставляя неопределенное время, автор на первый план ставит фантастичность сюжета, имплицитно связанную с конкретно историческим временем. Становится понятно, что действие происходит во второй половине XIX в., на что указывает ряд реальных дат, упоминаемых в романах, и событий, которые произошли в середине XIX в. Проблематика каждого романа раскрывает определенный этап развития флота.

В романе «Крейсер “Русская Надежда”» в фантастической форме описана происходящая в ближайшем будущем война между Россией и Англией. Эта война названа крейсерской, поскольку ее суть заключается в том, что крейсера нападают на коммерческие и торговые суда и уничтожают их. Вследствие нарушения торговых коммуникаций, прекращения доставки необходимых гражданских грузов, резко сокращаются доходы Великобритании, так зависимой от морской торговли. О цели отправления в море крейсера с говорящим названием «Русская Надежда» пишет автор на начальных страницах романа: «...специальное назначение крейсера было — нападение на неприятельский коммерческий флот» [Конкевич 2019: 9]. Известный своей силой английский флот в романе бессилен перед крейсером «Русская Надежда», с легкостью одерживающим победу в войне.

Роман пропагандирует популярную в 80–90-х гг. XIX в. идею крейсерской войны как одну из самых эффективных в битве с противником. В. А. Болтрукевич, изучая развитие российского флота во второй половине XIX в., излагает краткую историю появления теории крейсерской войны. Исследователь обращает внимание на то, что идея такой войны возникла еще в 1850-е гг.: «Возможные варианты действий российского флота рассматривались людьми разных ведомственных положений и профессиональных навыков» [Болтрукевич 2011: 57]. Несмотря на обилие источников информации (публицистические очерки, записки, газетные и журнальные статьи), большинство идей были аналогичны: крейсер был удобным в плане передвижения и маневрирования судном для успешного ведения войны на море. Все это привело к тому, что в 1878 г. были куплены в США суда, переоборудованные впоследствии в крейсера [Болтрукевич 2011: 49].

Конкевич являлся одним из сторонников теории крейсерской войны. В его романе «Крейсер “Русская Надежда”» война на море происходит согласно правилам, изложенным в реально существующем дипломатическом документе — Парижской декларации 4 (16) апреля 1856 г. (Декларации о принципах морского международного права). Необходимость появления этого документа объясняется в тексте Декларации — во время войны морское право было не определено и вызвало много споров у враждующих и нейтральных государств. Декларация состояла из четырех пунктов, одним из которых была отмена каперства [Сборник: 42–43]. Сторонники теории крейсерской войны критиковали эти правила и особенно сетовали на третий пункт, который парализует деятельность крейсеров, признав неприкосновенность нейтральных грузов под неприятельским флагом. Такая «льгота» была очень невыгода для России, почти не имевшей своего торгового флота, и выгодна для Англии с ее торговым флотом-монополистом. Стоит отметить, что подписание этой декларации осуждал не только Конкевич в своем фантастическом произведении, но и современники описываемых событий [Болтрукевич 2011: 58].

Внимание автора в «Роковой войне 18?? года» сосредоточено на доказательстве необходимости устройства военно-морской базы на Мурманском побережье. В своем фантастическом романе Конкевич рассказывает историю тайного строительства базы, размышляет о ее значимости для обороны и развития России, а через описание баталь-

ных сцен войны с Австро-Венгрией, Италией и Турцией доказывает правильность расположения нового порта.

В «Роковой войне 18?? года» Конкевич обратился к актуальной для второй половины XIX в. проблеме создания пунктов для базирования. Дискуссия о необходимости строительства военного порта разворачивалась вокруг вопроса о выборе удачного места. В военно-морских кругах существовало два основных направления в решении этого вопроса — «опора на собственные ресурсы» и «попытки найти подходящие места за рубежом для образования военно-морской базы» [Болтрукевич 2015: 19–20]. Часто «звучали предложения создать военный порт на Тихом океане или в какой-либо незамерзающей гавани на Мурманском побережье Баренцева моря» [Михайлов 2016б: 11]. Странниками создания военно-морской базы на Севере и разработчиками реальных проектов строительства были «горячий поборник освоения Севера купец М. К. Сидоров», генерал-лейтенант, архангельский губернатор Н. М. Баранов, высокопоставленные лица, в том числе великий князь Владимир Александрович (брат Александра III), олонецкий губернатор Г. Г. Григорьев, А. Е. Конкевич и др. [Михайлов 2016б: 11–12]. Стоит отметить, что Конкевич считался тем человеком, который «смог бы привлечь к решению проблемы широкую общественность, заинтересовав и её, и правительство» [Болтрукевич 2015: 23], поэтому в 1888 г. был привлечен олонецким губернатором Г. Г. Григорьевым к «изыскательным работам» для проектирования порта на Севере России [Михайлов 2016б: 11]. Конкевич считал наиболее удачным расположение порта в гавани Озерко в Мотовском заливе Баренцева моря и настойчиво доказывал свою позицию, не принимая позицию оппонентов. Деятельность по подготовке к строительству порта была начата с одобрения руководителя Морского министерства адмирала И. А. Шестакова, но прервана в 1888 г. в связи со смертью последнего. Между тем дискуссия о месте расположения порта продолжалась, и одной из популярных становилась идея создания военно-морской базы на Балтике, местом для которой была выбрана Либава, с чем отказывался соглашаться Конкевич.

Проблеме строительства военно-морской базы на Мурманском побережье посвящен не только роман Конкевича, но и ряд его публицистических работ: статья «Военный порт на Мурмане» (1889 г.), книга «Письма о флоте» (1892 г.), цикл очерков, напечатанных в жур-

нале «Гражданин» (1894 г.). В этих работах Конкевич без фантастического вымысла доказывает целесообразность строительства военно-морской базы не на Балтике, а именно в бухте Озерко на Мурманском берегу. Свои доводы Конкевич подкрепляет уже объективными экономическими и политическими причинами и военными расчетами. Новый порт на Севере, по его мнению, имеет историческое значение и может быть при необходимости соединен с «заливом Волоковым», и таким образом флот будет иметь два выхода в океан, что защитит его от неприятельской блокады [А. К. 1889: 82]. Кроме того, от блокады северный порт будет защищен еще ввиду климатических условий: «штормы и постоянные ненастья» на Севере для вражеского флота станут серьезным препятствием [А. К. 1889: 84]. В 1894 г. Конкевич снова будет доказывать, что «флот должен иметь открытый незамерзающий порт с свободным выходом во всякий критический момент» [А. К. 1894: 2]. Стоит отметить, что Конкевич усиленно занимался развитием Севера, был приглашен принимать участие в строительстве мурманской железной дороги, за что в 1917 г. был удостоен почетной приставки к своей фамилии — Мурманский. В том же 1917 г. обширная литературная и общественная деятельность Конкевича прервалась: он пропал без вести.

Роман «Черноморский флот в ???? году» завершает трилогию Конкевича о морских войнах и рассказывает о создании нового непобедимого миноносного флота на Черном море, который ведет войну против коалиции из Англии, Германии, Австрии, Италии, Турции. Силы Черноморского флота распределены по четырем портам: одна эскадра стояла в Батуме, защищая кавказские берега, другая — в Керчи, третья — в Очакове, прикрывая Днепровский лиман и Одессу, наконец, главные силы расположились в Севастополе. На этот раз успех русского флота обеспечивают минные крейсера и миноносцы, слаженно работающие в команде против неманевренных броненосцев противника. В результате сражений с англо-турецкими морскими войсками Черноморский флот занимает пролив Босфор.

Фантастическая история взятия Босфора в романе Конкевича имела историческую основу — во многом благодаря пополнению Черноморского флота миноносцами в 1880-е гг. появились планы Босфорской десантной операции, и даже проводились учения [Кондратенко: 83–87]. А на Особом совещании 1881 г. было принято решение о воз-

рождении Черноморского флота, однако эти задачи откладывались на второй план, и активных работ по восстановлению морских сил на Черном море не велось.

В романе раскрывается содержание актуальной для 1880-х гг. дискуссии о составе военно-морских сил. В ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «российский флот первым в мире успешно применил торпеды в боевых действиях» [Несоленый: 11], однако роль минного оружия была настолько переоценена, что энтузиасты «поторопились объявить о скором конце господства броненосцев на морях», а «в печати появились статьи с призывами отказаться от их строительства в пользу миноносцев и крейсеров» [Кондратенко: 68]. Стоит заметить, что сам автор морских романов был на стороне последних, а его взгляды на броненосный флот были критическими: «Конкевич обрушил на Морское министерство шквал критики... за увлечение строительством броненосцев» [Михайлов 2016а: 41].

Кроме того, в романе отразилась настоящая боль автора из-за реальной невозможности строить качественные военные суда в России во второй половине XIX в., что было связано «с более слабой научно-технической базой России в сравнении с передовыми европейскими странами», с низкой культурой производства на заводах при высоких требованиях к постройке миноносцев [Несоленый: 15]. В «Письмах о флоте» Конкевич будет ругать Морское министерство за то, что на российских заводах могут только собирать суда из доставленных германских и английских материалов [Конкевич 1896: 101], не умеют «работать и сортировать материалы», что в России недостает «корпорации техников и рабочих», которых заботил бы успех дела, наконец, отсутствует связь между высшим и низшим управлением [Конкевич 1896: 106].

В своих произведениях Конкевич доказывает, что флот является неотъемлемой частью армии. Историческая основа романов свидетельствует о желании автора, тонко разбирающегося в морском деле, развить мощь российского флота, защитить Россию от нападения неприятеля, сделать ее сильной морской державой.

В маринистической трилогии русский флот непрестанно побеждает в войнах, моряки осуществляют все планы командования — Конкевич не изображает неудачи или промахи. По мнению Конкевича, к возрождению и мировому господству российский флот приведут правильно выбранные военные суда, до мелочей спланированные сражения,

чуткость морского руководства, слаженная работа моряков. Поэтому доминантными событиями в сюжетной линии каждого романа являются морские сражения.

В романе «Крейсер “Русская Надежда”» русские моряки, захватывая призы, действуют по-рыцарски, снимают с них экипаж (пленных позже высаживают на берега), при необходимости оставляют провиант или артиллерийские запасы для нужд крейсера и топят вражеские суда. Призовой пароход «Мур», зафрахтованный британским правительством для военных целей, будет преобразован командиром «Русской Надежды» в русский крейсер под именем «Сынок». Лейтенант Копыткин назначается командиром нового судна, а «в помощь ему даны два мичмана и тридцать человек команды» [Конкевич 2019: 38]. Теперь крейсера «Русская Надежда» и «Сынок» не только захватывают коммерческие суда, но и уничтожают целые вражеские эскадры.

Ночная атака английских судов в Сингапуре становится одним из центральных сражений в романе. Русские моряки ведут тщательную подготовку, безошибочно планируют свои действия. Отметим, что планы нападения на британские военно-морские базы в юго-восточной Азии вынашивали и лица, занимавшие официальные посты, в частности, о возможности атаки на Гонконг рассуждал в своих дневниках управляющий Морским министерством вице-адмирал И. А. Шестаков [Шестаков: 328].

Описание сражения предваряет лаконичная пейзажная зарисовка: «Ночь была безлунная и очень темная...» [Конкевич 2019: 53]. Образ тьмы сопровождается образом тишины, распространяющейся на природу и механические движения судов: «яхта... тихо перешла в пролив», «пирого тихо опустила свой якорь» [Конкевич 2019: 53], «Михайлов и Кононов прошли без шума немного далее». Эта тишина сопутствует удачному осуществлению плана: пирога с сухими сучьями, облитая горючими веществами, вовремя зажжена и отправлена к вражеским пароходам и джонкам, при кратком описании которых тоже появляется образ тишины: «все спало мирным сном». Однако в последнем случае образ тихого сна используется автором иронически, поэтому тишина заканчивается «невообразимым хаосом» [Конкевич 2019: 54], разрастающимся благодаря отлаженным действиям русских моряков.

Морская ночная тишина в маринистической литературе часто несет деструктивную функцию — затишья перед бурей. И Конкевич следует

традиции: окружающая тишина сменяется взрывами английских кораблей. После пожара наступает «мертвая тишина»: «Моментально все смолкло в Новой гавани. Электрический свет погас, и среди мертвой тишины и непроглядного мрака ночи слышны были дружные удары винтов удалявшихся миноносок и треск горящих джонок и пароходов» [Конкевич 2019: 54]. В последнем предложении автор дает две анти-тетичные картины действий неприятеля, которые происходят на фоне идентичной атмосферы. Тишина и мрак, описанные традиционными эпитетами «мертвой» и «непроглядного» соответственно, для сражающихся несут противопоставленную семантику: русские с торжеством уходят, а английские корабли гибнут. Нельзя не заметить в этих строках авторскую позицию, выраженную с помощью контекстуальных антонимов и сопровождающих их эпитетов — «дружные удары винтов удалявшихся миноносок» с теплотой и любовью описанные автором, и «треск горящих» английских суден, к которым автор равнодушен.

После взрыва сражение не заканчивается, а по заранее подготовленному плану начинает действовать русский офицер Злобин на миноноске. Конкевич подробно описывает схватку Злобина с корветом «Бритон». Погоня за русским судном английского корвета описана с помощью антропоморфизмов: «Имея преимущество в ходе, он («Бритон» — *В. П.*) нагнал его и уже готов был свалиться и вступить в рукопашный бой, как Злобин воспользовался английским же оружием, взятым с «Мура», — он бросил в противника ручную мину» [Конкевич 2019: 55]. Картина боя создается на лексическом уровне: использованы глаголы интенсивного действия: «погнался», «нагнал», «готов был свалиться и вступить ... в бой», «понесся», они создают олицетворенную баталию.

Снова автор использует антитезу, за которой усматривается тонкая насмешка: несмотря на храбрость и готовность к бою, противнику не удается осуществить план атаки из-за опережающих и продуманных действий русских. Еще более иронизируя, автор отмечает, что англичане пострадали от своего оружия — мина ударились о палубу неприятельского катера и разорвалась.

Не без иронии автор говорит о силе и гибели английского судна: «Английский катер заслуживал лучшую участь за свою безумную храбрость и самоотверженность...» [Конкевич 2019: 55]. Однако единственным спасшимся станет баковый матрос, успевший перескочить на миноноску к Злобину.

Конкевич гиперболизирует неуязвимость русских кораблей. Например, благодаря превосходному знанию местности лейтенант Кононов уходит от английского крейсера «Ренжер». Описание силы кораблей также строится на противопоставлении: русская яхта имеет двенадцатиузловой ход и только два орудия Гочкиса, а «Ренжер» имел ход до одиннадцати с половиной узлов, но «зато на нем были два 64-фунтовых и одно 7-дюймовое орудия» [Конкевич 2019: 56]. Умышленно Конкевич подчеркивает худшее артиллерийское вооружение русского судна и большие технические возможности английского клипера, поскольку результат атаки зависит от превосходного знания акватории: «Положение яхты ежеминутно становилось крайне опасным, шибче идти она не могла, а предпринять было нечего. Но случай, соединенный с знанием местности, спас яхту» [Конкевич 2019: 56].

Когда с «Ренжера» уже атаковали яхту, убили минного унтер-офицера и ранили несколько человек, русское судно чудом спасается от погони. Любовь Конкевича к родине и вера в силу российского флота делают его героев неуязвимыми. Автор идеализирует подготовку российского правительства, отмечая, что только на русских картах было обозначено место, где раньше был кратер, уничтоженный в результате землетрясения. Именно там яхта смогла пройти над 12-футовой мелью, а «Ренжер» сел на мель. Подчеркнем, что русские корабли действительно вели обширные гидрографические исследования в юго-восточной Азии, в частности, можно вспомнить знаменитое плавание корвета «Витязь» под командой С. О. Макарова в 1886–1889 гг.

В начале произведения Конкевич, преувеличивая силы и возможности флота, обращает внимание читателя на то, что Морское министерство «добросовестно подготовлялось» к войне: кругосветные плавания и открытия «за последние годы обратились в полезные и поучительные изыскания для наших офицеров» [Конкевич 2019: 30]. Автор лишь упоминает о том, что нашлись необитаемые заливы и удобные для складов острова, обнаружилась неправильности в нанесении карт. И только в конце повествования о русско-английской войне, когда дело близилось к победе, автор раскрывает центральную станцию русского флота, расположившуюся в группе Соломоновых островов на острове Малаита. Следует отметить, что это место для главной базы не было выдуманно автором. Управляющий Морским министерством в 80-е годы XIX в. И. А. Шестаков активно занимался изучением мест для опорных баз

военно-морского флота и по инициативе императора Александра III отправлял вице-адмирала Н. В. Копытова в Новую Гвинею к Соломоновым островам, чтобы там «устроить опорный пункт для наших крейсеров во время войны» [Кондратенко: 167]. Такое желание императора было вызвано разговором с путешественником Н. Н. Миклухо-Маклаем, который и стремился иметь станцию около Новой Гвинеи и заботился «о своих интересах» [Кондратенко: 168]. Эта идея была отвергнута в связи с удаленностью островов и, следовательно, неразумностью создания там базы.

Однако в фантастическом произведении Конкевича далекий остров Малаита становится выгодной во всех отношениях главной станцией военно-морского флота России. Такой выбор автор делает из желания расширить просторы России, указывая на всеобщий охват завоеванных территорий. В романе рассказывается, что папуанцы доброжелательно приняли русских, а король Такамбау согласился продать свои владения. База была очень быстро сформирована, из Владивостока Добровольный флот переправил провизию и уголь, а затем, «когда война была объявлена, это все пополнялось в избытке с призовых судов», захваченных в Сиднее, Новой Гвинеи и Новой Зеландии и доставленных в эту новую «главную квартиру» [Конкевич 2019: 99]. Здесь были построены землечерпательные машины, импровизированный док, налажено сообщение. Отсюда крейсер получал приказания, сюда «Русская Надежда» прибывает после одиннадцатимесячного плавания, здесь узнает о наступившем «славном» мире.

Успех на войне Конкевич видит как в мудрости руководства, так и в поведении и подготовке моряков. После многих побед капитан Сорокин размышляет о состоянии своего уже не совсем исправного крейсера, но продолжает верить в то, что «должен действовать во вред неприятелю», пока крейсер может двигаться. И все моряки, «начиная со старшего офицера до последнего матроса» верили в это убеждение «как в непреложную истину» [Конкевич 2019: 68].

Теория крейсерской войны, долго анализировавшаяся в военно-морских кругах во второй половине XIX в., нашла в романе Конкевича свое воплощение. Автор в фантастической форме, но с опорой на исторические данные, показал способы ведения такой войны и следовавший за этим положительный результат. При описании военных событий в романе «Роковая война 18?? года» Конкевич повторяет фантастический

успех русского флота, который читатель уже видел на страницах романа «Крейсер “Русская Надежда”». Этот успех, в первую очередь, обеспечивает новый военный порт на Мурманском побережье.

Автор в произведении рассказывает, как славный адмирал Сорокин (бывший командир на крейсере «Русская Надежда») тайно едет на Север и руководит работой по строительству порта с неограниченными полномочиями. Фантастически быстро база была построена, и Александрия «объявлена только военным портом и крепостью» [Конкевич 2019: 134]. Конкевич обращает внимание на то, что о строительстве никто не знал «не только в Кронштадте, но даже в Лондоне, Берлине и Вене» [Конкевич 2019: 134]. Эта скрытность, считает автор, привела к быстрому успеху, вопреки ожиданиям оппонентов и страхам финансовых систем.

С невероятной гордостью автор изображает соединение двух флотов — Балтийского (пришедшего из Кронштадта) и старого, доблестного, умудренного опытом Черноморского в новом порте — Александрии на Мурманском побережье. Это «был славный, торжественный день для русского военного флота» [Конкевич 2019: 151]. Произошло единение людей, осознание у всех, даже скептиков, значимости, полезности флота для своей родины «в минуту испытания» и правильности выбранного места, поскольку «флот и морские силы должны жить и развиваться только на свободном море» [Конкевич 2019: 152]. Еще не раз в романе при любых удобных обстоятельствах автор и его герои будут говорить о положительном значении мурманского порта.

Объединенные силы русского флота начинают действовать. Храбрый, «образцовый отрядный начальник» Лидин, бывший лейтенант на крейсере «Русская Надежда», назначен капитаном на крейсер «Нева». Под командованием Лидина русские суда нападают на берега Италии. Показывая эволюцию русского флота и его потенциал, Конкевич подробно описывает новые порядки в крейсерском отряде Лидина: отряд «представлял собою стройную однородную силу, связанную в одно целое введением устава внутренней службы в русском флоте» [Конкевич 2019: 160]. В образе Лидина автор запечатлел образ идеального командира, моряка, который заботится не о себе, а о Родине и товарищах.

Под командованием Лидина русские морские силы начинают оккупацию Италии. Захват Генуи в романе предваряет красочное описание

главного коммерческого порта: «Этот богатый, многолюдный город, окруженный садами и украшенный мраморными дворцами» [Конкевич 2019: 164]. Конкевич перечисляет не только эстетическое величие города, но и мощь его укрепления: «Генуя защищена сильными 20-сантиметровыми батареями (имеются в виду батареи орудий калибра 200 мм. — В. П.), расположенными на высоком берегу мыса, далеко выступающего из общей береговой линии» [Конкевич 2019: 164]. Однако автор здесь снова иронизирует — действия противника во время атаки и поджога Генуи резко антонимичны внешней силе: «артиллеристы... были поставлены в ужасное положение — стрелять наугад и во всяком случае с большей вероятностью поражать своих, а не врага, так как среди ночной темноты прицеливаться было невозможно...» [Конкевич 2019: 167]. Таким противопоставлением автор снова имплицитно доказывает, что механическая сила не играет роли в положительной развязке боя.

Антитеза — главный прием при изображении не только враждующих сторон, но и своего флота. Так, чтобы показать виртуозные действия русского флота, автор противопоставляет неспешность действий и масштабный результат атаки: «катера №№1 и 2 тихо и незаметно пристали к небольшому эллингу» и им «достаточно было пяти минут для занятия станции...», «крейсер вошел малым ходом во внутреннюю генуэзскую гавань и уже оттуда открыл убийственный огонь по городу» [Конкевич 2019: 166] и т. д.

Интересно отметить, что действие снова происходит ночью: «закутанный ночным мраком большой город», «среди глубокой ночи» [Конкевич 2019: 164]. Ночь в мифологической картине мира «являла собой опасность, была страшна», «несла всевозможные угрозы» [Козьякова: 72], «делала человека беспомощным перед опасностями окружающего мира» [Козьякова: 71]. Однако тьма у Конкевича негативно влияет лишь на вражеский военно-морской флот. Русское морское войско выступает сосредоточением таинственного страха, внушаемого противнику. Русские не испытывают трудностей в ночных баталиях, они наполнены трансцендентной силой, дающей способности во тьме рационально мыслить и зорко видеть. Ночь помогает русским и обессиливает врага.

Ночной штурм генуэзского порта русским флотом заканчивается с рассветом: когда «восток зарумянился, крейсер оставил свою жертву»

[Конкевич 2019: 167]. Такое лаконичное описание окончания боя вызывает ассоциацию с нападением нечистой силы, усиливающуюся метафорой «оставил свою жертву». Ночь — это именно то время, которое «должно было принадлежать нечистой силе» [Козьякова: 72]. Без сомнения, такой ассоциативный ряд нельзя назвать случайным — автор умышленно синтезирует в обобщенном образе русского флота архетипические представления человека о связи с inferнальным, о потусторонней помощи. Ночные атаки объясняются большей защищенностью русского флота, следовательно, позволяют сохранить жизни моряков и суда.

Конкевич расширяет художественное пространство романа: уничтожение итальянских судов, верфей и других «прекрасных» сооружений происходит в одно время и в разных местах Италии. В ту же ночь русский крейсер «Диана» уничтожает завод в Кастелламаре, «Волга» и «Нева» жгут эллинги с броненосцами в Венеции; крейсер «Юнона» захватывает четыре больших парохода, «Афродита» берет призы в Средиземном море. Автор обращает внимание на неравнозначность потерь противников: сотнями гибнут люди на вражеской стороне, а у русских крейсеров «ни одного важного повреждения в корпусе».

По заранее обдуманному плану после полуночи происходит нападение на Специю. В отличие от неготовности вести ответный огонь в других городах, здесь «приготовились отражать силу» [Конкевич 2019: 174]. Однако огромные двадцатитонные пушки оказываются бессильны по сравнению с шести- и восьмидюймовыми дальнобойными пушками отряда Лидина. При описании этой баталии Конкевич не использует глаголы с семантикой интенсивного действия — картину боя создают эмоциональные эпитеты с общим значением смерти: «выстрелы ужасные», «страшный вред», «губительная работа» [Конкевич 2019: 174]. Отметим здесь эхо дискуссии об относительных преимуществах крупнокалиберных орудий и скорострельных орудий среднего калибра — спор об этом не утихал в последней четверти XIX в. и разрешился только во время русско-японской войны. Дело в том, что в 60–70-е гг. XIX в. корабельная и береговая нарезная артиллерия развивались по пути увеличения калибра и веса орудий, достигнув рекордной величины в «100-тонной пушке Армстронга» (RML 17.72 inchgun) — 450-мм дульнозарядной системе, разработанной в середине 70-х гг., которая устанавливалась на итальянских броненосцах типа

«Дуилио» и на береговой батарее в Специи, а также на британских береговых батареях на Мальте и в Гибралтаре [Паркс 2004: 14–15]. Конкевич, говоря о 120-тонных пушках, гиперболизирует реально существовавшие орудия, намекая, что их калибр превосходит 450 мм. и они еще мощнее реально существовавших «100-тонных пушек». Однако в конце 80-х гг. XIX в. появляется новый тип скорострельных орудий, имеющих гидропневматические противооткатные приспособления, поршневой двухтактный затвор и унитарное заряжание, что резко повысило скорострельность (в некоторых случаях, с одного выстрела в 4–6 минут до 10 выстрелов в минуту), однако орудия нового типа первоначально имели калибр не более 203 мм. [Широкорад 2000: 385–388]. Таким образом, Конкевич противопоставляет гигантские медленно стреляющие пушки итальянцев и скорострельные орудия меньшего калибра русской эскадры. Он, как и ряд других морских специалистов [Кислицын], был сторонником большей эффективности скорострельных орудий перед крупнокалиберными, что и подчеркнул в описании боя с итальянскими береговыми батареями.

Бой прекращается с рассветом, оставив полыхающий город, отряд Лидина уходит к югу. Конкевич сравнивает потери русских и итальянцев: русские крейсера пострадали мало, убитых и раненых насчитывалось по несколько на каждом судне, однако эти жертвы вознаграждались участью вражеского порта.

За шесть дней описанной Конкевичем войны русский флот достиг громадного успеха: навел «панический страх на своих врагов в Средиземном море» [Конкевич 2019: 174]. Победа русских в романе «Роковая война 18?? года» была «плодом зрелой, обдуманной, многолетней подготовки» [Конкевич 2019: 159] и была результатом многих факторов. Во-первых, Конкевич создает образы идеальных управленцев и в утопической форме описывает высшее управление: рассказывает о тщательной подготовке Морским министерством карт, о великолепно работающей почте. Во-вторых, в числе судов русского флота находились большие быстроходные броненосцы. В-третьих, «июльский» флот в январе мог легко «носиться теперь по морям во исполнение веления власти», поскольку главный морской порт был перенесен на берега незамерзающего океана.

В романе русскому флоту еще придется доказывать свою силу, мощь и патриотизм, освобождая свой плохо укрепленный Владивосток от

нападения итальянцев. Конкевич не описывает здесь батальные сцены, а лишь обращает внимание на то, что сражение было окончено «в небольшой промежуток времени» [Конкевич 2019: 215]. В публицистическом отступлении автор спорит с потенциальным критиком о том, что подробного описания сражения здесь не надо, поскольку эта победа — результат многолетней работы.

Освобождение Владивостока от итальянцев в «Роковой войне 18?? года» Конкевич считает заслугой прибывших из Александрии адмирала Иванова и его эскадры, которым дает положительные характеристики: «старый моряк, душой и телом преданный флоту, сросшийся с ним с мичманства» [Конкевич 2019: 214] и «экипаж, воспитанный и подготовленный им к встрече с врагом» [Конкевич 2019: 217]. Следовательно, успех на войне Конкевич видит не только в мудрости руководства, но и в поведении и подготовке моряков.

Автор ставит своего вымышленного персонажа в один ряд с великими флотоводцами Нельсоном, Нахимовым, Фаррагутом и Тегетхофом, отмечая, что их победы «могли быть одержаны именно только ими и только их экипажами» против всех правил тактики [Конкевич 2019: 217]. Таким образом, Конкевич превалирующими считает нравственные причины победы, имплицитно проявляющиеся в характере команды, объединенной идеей защиты родины.

В романе автор настойчиво обращает внимание читателя на то, что прошлые неудачи России нужно забыть. Теперь война с Австрией идет успешно, Франция воюет с Германией, и обе не опасны для России, абиссинцы лишили Англию возможности коротким путем дойти до Индии — своей самой важной колонии, и о войне с Россией мыслить было нельзя. Победы России дали понять Англии, что вступать в войну бессмысленно. И последняя, «не обнажая меча, должна была признать себя побежденною» [Конкевич 2019: 222]. Эта война названа автором романа роковой, потому что оставила громадные последствия, «перевернула все существовавшие до нее отношения между западноевропейскими государствами» [Конкевич 2019: 223]. Не зря на последней странице своей книги Конкевич дважды повторит: «Tempora mutantur» — Времена меняются. Фактически русский автор нарисовал картину того грандиозного столкновения между ведущими странами мира, которым в реальности стала Первая мировая война, но он не смог предвидеть расклад сил будущего конфликта.

Роман «Роковая война 18?? года» повлек за собой волну критики из-за утопического изображения сил русского флота в морских войнах. Так, в журнале «Русская мысль» 1889 г. была напечатана критическая статья о романе, в которой Конкевич подвергся насмешке: «Вся книжка напоминает своим содержанием мечты юнкера перед производством в офицеры» [Русская мысль: 286], поскольку «русские всюду поспевают вовремя, а их враги всегда опаздывают», «русские непрестанно побивают врагов», «а их неприятели теряются», «Англия напугана до того, что пикнуть не смеет» и т. п. [Русская мысль: 285]. Краткий иронический пересказ романа в статье свидетельствует о непонимании и неприязни русским либеральным обществом точки зрения Конкевича как на состав, так и на тактику военно-морского флота России. Некоторые оппоненты даже заявляли, что Конкевич «своими произведениями подталкивает Россию к войне с иностранными державами» [Михайлов 2016а: 42]. Однако роман «Роковая война 18?? года», по замыслу автора, должен служить источником правильно организованной работы военно-морского министерства.

В книге «Черноморский флот в ???? году» писатель с восхищением рассказывает об успехе российского флота, преобразованного в миноносный, менее дорогостоящий и более маневренный по сравнению с броненосным.

Описывая преимущества нового флота, Конкевич использует художественную деталь, обрисованную со свойственной автору патетичностью: мина — «царица побед будущего», главное оружие новых мелких боевых единиц. Прежде чем стать главной боевой единицей флота, миноносцы успешно прошли испытания в шторм, показали свою мощь при уничтожении сетевого заграждения и справились с другими экспериментами. Первые миноносцы были куплены «скрепя сердце» за границей, но уже через два года для их строительства было создано два завода в России, производящих «совершеннейшие образцы миноносцев и минных крейсеров» [Конкевич 2019: 246]. Здесь отразились мечты самого автора об идеальной судостроительной системе в России.

Первый бой под Феодосией и виртуозный успех эскадры автор описывает при помощи экспрессивных синонимичных эпитетов, согласующихся с глаголами экстенсивной семантики: «безостановочно сближаться», «огонь становился... оживленным», «противник отвечал не

менее ревностно», «чудовищный заряд пироксилина сделал свое дело», «послышался страшный взрыв», «корма крейсера оказалась буквально раздробленной», «несчастное судно поднялось», «точно обессиленный пловец», «трагическая гибель» [Конкевич 2019: 303]. Вся картина сражения импрессионистична. Единственный глагол со значением интенсивного действия — «вода хлынула» — показывает гибель врага.

Глагольные лексемы появляются с нарастанием интенсивности боя, поэтому следующие сцены сражения автор описывает иначе. Метафорические словосочетания при описании баталии аккумулируют семантику смерти и создают ужасающую картину: «броненосец, уже тяжело раненый» из последних сил «отбивается» от противников, «несколько жестоко избитых миноносцев борются со смертью», «гибла» Галатhea, но «успела ...отомстить за себя трем миноносцам» [Конкевич 2019: 309], «два миноносца заплатили жизнью за смелость» [Конкевич 2019: 310]. Суда оживают, получают не совместимые с жизнью ранения, умирают, подобно сражающимся врукопашную людям.

Блистательный успех русского флота в бою под Феодосией автор объясняет тем, что это был «первый серьезный бой миноносцев с броненосцами, между старым отживающим флотом и флотом настоящего и будущего» [Конкевич 2019: 310]. Миноносцы атакуют группами, могут действовать в ночное время, имеют громадный перевес в скорости по сравнению с броненосцами: «при такой бешеной скорости никакая ...точная стрельба не была возможна» [Конкевич 2019: 308], в связи с этим большинство миноносцев остаются невредимыми при ударах неприятеля и удачно ведут минный обстрел. Идеализируя тактику миноносцев, автор пишет: «как осы, собирающиеся ужалить, минные крейсера и канонерки проворно проносились перед броненосцами, ... поражали их минами...» [Конкевич 2019: 338].

Во время жестокой осады вражеских транспортов начинается шторм — «новый враг», против которого «бессильны и мины, и пушки, и тараны» [Конкевич 2019: 343]. Начало шторма дано автором на фоне продолжающегося сражения. Конкевич с художественной выразительностью на звукоописательном уровне рисует слияние природы и плодов цивилизации: сразу после возникновения «страшного ливня» автор превращает бой в «раскаты выстрелов» и «гром взрывов» [Конкевич 2019: 339]. Эта языковая игра передает атмосферу всеобщего хаоса, обрушившегося на моряков.

Не менее выразительно автор изображает саму бурю. Обилие и нанизывание изобразительно-выразительных средств создают художественный образ бушующей морской стихии, который показан сразу после разгрома неприятельского флота и является продолжением картины боя, только со сменой противников — теперь люди равны в своей беспомощности перед стихией. Лексический ряд, отобранный писателем при изображении моря, рождает ассоциацию со сражением кораблей: волна «сокрушит все, что только осмелится стать ей поперек дороги», валы, «один яростнее другого», будто хотят «опередить другие в ужасном для человека соревновании». Эпитеты «грозной, крутой, могущей», сравнение «как разгневанное чудовище, заревело и забушевало кругом море» довершают образ бури. Этот бой стихии создает ужасающее впечатление на моряков. Природа вмешивается в сражение между людьми и побеждает: «море dokonчило начатое минами» [Конкевич 2019: 344]. Наши моряки смогли спасти суда и спастись сами благодаря маслу, которое разливали вокруг кораблей. Противник такое средство не использовал, поэтому его потери во время шторма были колоссальны.

Поведение флота противника при вымышленном сражении у Босфора изображено автором с помощью уже традиционной для него антитезы. В отличие от стоического мужества русских моряков, на английской стороне «паника разрасталась», «линии пароходов пришли в величайший беспорядок» [Конкевич 2019: 341], минные крейсера противника бесцельно стреляли. Ночная баталия воссоздается акустически, с помощью глаголов интенсивного действия и отглагольных существительных с семами шума и громких восклицаний: «стояли крики о помощи», «миноносцы грызутся», «неумолкающий треск» и «беспредельный гул взрывов» [Конкевич 2019: 342]. Ощущение неразберихи завершается сообщением о гибели противника, сопровождающимся свободной градацией, имплицитующей всеобщее масштабное бедствие: «все эти батальоны, батареи и эскадроны» [Конкевич 2019: 343] были поглощены морем.

Как и в других маринистических романах, Конкевич анализирует причины победы российского флота, которые он видит не только в правильной тактике, но и в нравственном состоянии воюющих: «тот дух непоколебимой веры в себя, ...этот дух, все решающий в борьбе, был с нашими моряками» [Конкевич 2019: 314], именно внутренняя сила

делала эскадру «еще грознее для неприятеля» [Конкевич 2019: 315]. В романе «Черноморский флот в ???? году» эту уверенность моряков в своих силах воспитал главнокомандующий Черноморским флотом вице-адмирал Смекалов, из его школы «вынесли они несокрушимую веру в могущество своего миноносного флота...» [Конкевич 2019: 283].

Эта настойчиво повторяющаяся в маринистической трилогии мысль не раз встречается в русской классической литературе о военных событиях. Например, в романе «Война и мир» Л. Н. Толстой отмечал, что единый дух войска определяет положительный исход боя. Поэтому только то сражение может закончиться успешно, цель которого понятна солдатам и благородна для них, что подтверждается при описании Шенграбенского, Аустерлицкого, Бородинского сражений. Касаясь причин победы в Отечественной войне 1812 г., А. С. Пушкин в романе в стихах «Евгений Онегин» «в качестве слагаемых успеха» также называет «настроения и психологический настрой русских людей во время войны 1812 г. («остервенение народа», патриотизм и народная война) [Колесников: 60]. В литературе о Великой Отечественной войне также найдутся поэтические и прозаические произведения, где подчеркивается важность духовной составляющей при исходе сражений. Например, К. М. Симонов в балладе с говорящим названием «Секрет победы» подчеркивает, что на войне нужно быть не только храбрым, но и «упрямым», и как не было бы «худо» — «назад ни на полшага», «И если уж думать о смерти, / То только о смерти врага» [Симонов: 8].

При описании сражения у Босфора в романе «Черноморский флот в ???? году» Конкевич обращает внимание на братский дух и единение моряков. Желание вступить в бой, а не стоять в стороне, любовь к Родине, смелость, готовность к гибели, стремление помочь товарищу и отомстить за него — те качества русского солдата, которые подчеркивает автор. На протяжении войны моряки выполняют приказ адмирала: «пустить неприятеля ко дну и не бросать товарища в беде» [Конкевич 2019: 330]. Так, крейсер «Поток» спасает флагмана «Вольгу», бросившись наперерез вражескому судну. Гибель крейсера «Флора» при сражении у Босфора описана автором с глубоким сожалением, выраженным метафорическими словосочетаниями: «бомба поразила крейсер», «с страшным шумом, болезненно отозвавшимся в сердцах наших моряков» [Конкевич 2019: 340] крейсер уходит ко дну. Боль утраты рождает в каждом моряке чувство мести: «Дело живых было отомстить

за мертвых» [Конкевич 2019: 340]. Русская эскадра «с удвоенной энергией», дружно и без страха уничтожает английские суда. Если гибель русских крейсеров Конкевич изображает подробно, описывая ранения и судьбу эскадры, то уничтожение кораблей противника представляет собой сухую констатацию факта.

Особенный восторг и в то же время тяжелую боль утраты вызывает поведение русских моряков во время атаки крейсера «Уриил», который в одиночку пошел в разведку и вынужден был сражаться с целой вражеской эскадрой. Несмотря на то, что команда погибает, никто не падает духом, «все до последнего человека готовы были биться, пока под ногами будет оставаться палуба» [Конкевич 2019: 418]. Автор трижды умышленно повторяет, что флаг не снимают — не сдаются, а гордо встречают гибель: «сломленный в неравной борьбе, но не побежденный...» [Конкевич 2019: 420].

На заключительных страницах своих художественных произведений Конкевич не упускает возможности отдать дань мудрости адмиралов, способных принимать правильные решения и успешно вести морские сражения. После взятия Босфора автор с восхищением скажет: «Операция нашего адмирала была поистине гениальна по дерзости замысла и исполнения» [Конкевич 2019: 464]. Образ адмирала во всех романах — это традиционный художественный образ русского главнокомандующего, разумного стратега, патриота, любящего не только Родину, но и каждого моряка, каждого матроса.

Общественная и литературная деятельность Конкевича была направлена на критику современного состояния военно-морского флота. Конкевич расходился во взглядах на пути развития флота с высшим руководством, чем вызывал недовольство морского управления. Чтобы прямо высказать свою точку зрения на способы реформирования флота, писатель выбирает художественное изображение будущего военного флота России и излагает свои мечты об устройстве российского флота в фантастической форме — в маринистических романах «Крейсер “Русская Надежда”», «Роковая война 18?? года», «Черноморский флот в ???? году».

Трилогия морских романов Конкевича раскрывает актуальные для второй половины XIX в. дискуссии об организации военно-морского флота России и показывает точку зрения автора. В дискуссиях Конкевич всегда остается патриотом, разрабатывая аргументированные

доводы и планы, необходимые, с его точки зрения, для силы российского флота. Описанные в романах стратегия войны на море, состав военно-морских сил — способ воздействовать на российскую общественность, которую автор призывает прислушаться к своему мнению. Идеальное внешнее и внутреннее руководство, высокие технические возможности флота, успех в военно-морских операциях — это то, о чем мечтал морской офицер Конкевич и то, что смог показать в своих романах Конкевич-писатель. Поэтому основными средствами изображения в маринистических текстах автора становятся гиперболизация, утопическая система управления, фантастическое изображение тактики войны, совмещающиеся с исторической основой и традиционными художественными приемами, такими как многочисленные повторы, синтаксический параллелизм, антропоморфизм.

Конкевич противопоставляет нравственную силу, мудрость русского флота и технический потенциал врага, эмоциональный подъем, стоицизм, смелость русских моряков и страх, беспомощность экипажа противника. Иронически возвышенно автор показывает высокие технические возможности вражеского флота, которые не помогают ему одержать победу.

Список литературы

Источники

- А. К. Военный порт на Мурмане // Русский вестник. 1889. Т. 205. № 12. С. 75–85.
- А. К. По пути на Мурман // Гражданин. 1894. № 184. С. 2–13.
- Витте С. Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894). Берлин: Слово, 1923. 420 с.
- Конкевич А. Е. Крейсер «Русская Надежда». СПб.: Изд. С. С. Любавина, 1887. 236 с.
- Конкевич А. Е. Крейсер «Русская Надежда», Роковая война 18?? года, Черноморский флот в ????: романы. М.: Изд-во ИП Секачев В. Ю., 2019. 544 с.
- Конкевич А. Е. Письма о флоте / А. Е. Беломор. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1896. 267 с.
- Конкевич А. Е. Роковая война 18?? года. СПб.: Типо-лит. Р. Голике, 1889. 115 с.
- Русская мысль. М.: Типо-лит. Товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1889. Кн. 7. 325 с.
- Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. 470 с.
- Симонов К. М. Фронтовые стихи. М.: Правда, 1945. 23 с.
- Шестаков И. А. Дневники (1882–1888 годы). СПб.: Судостроение, 2014. 605 с.

Исследования

- Болтрукевич В. А. «Средиземное море будущего»: Дальневосточные и северные опорные пункты для ведения «крейсерской войны» // Военно-исторический журнал. 2015. № 11 (667). С. 19–26.
- Болтрукевич В. А. Обсуждение стратегии крейсерской войны в военно-морских кругах России // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 1 (38). С. 49–59.
- Зонин С. А. Под псевдонимом Беломор // Гангут. 1998. Вып. 15. С. 98–102.
- Кислицын А. В. Развитие артиллерии Российского Императорского флота (начало 1890-х – 1904 гг.): на примере модернизации вооружения броненосцев: дис. ... канд. истор. наук. Брянск, 2021. 216 с.
- Козьякова М. И. Мифологема дня и ночи: эстетика метаморфоз // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 4 (102). С. 68–79.
- Колесников С. П. К пушкинскому пониманию причин побед русского оружия над Наполеоном: культурно-антропологический комментарий // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2022. № 1 (53). С. 59–63.
- Кондратенко Р. В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб.: ЛеКо, 2006. 343 с.
- Михайлов А. А. Морские твердыни. Отечественная публицистика второй половины XIX века о создании военно-морской базы на севере России: А. Е. Кон-

кевич и В. Н. Семенович // *Война и оружие: Новые исследования и материалы.* СПб.: ВИМАИВиВС, 2016а. Ч. IV. С. 37–57.

Михайлов А. А. Проблемы военно-морского базирования в Арктике (1880–1890 гг.) // *Военно-исторический журнал: Издание Министерства обороны Российской Федерации.* 2016б. № 5 (673). С. 10–17.

Несолёный С. В. Миноносцы Первой эскадры флота Тихого океана в русско-японской войне. 1904–1905 гг. СПб.: Изд. Р. Р. Муниров, 2009. 108 с.

Носков В. В. Войны капитана Конкевича (вымысел и реальность в произведениях А. Беломора) // *Новый часовой.* 2000. № 10. С. 196–201.

Паркс О. Линкоры британской империи. СПб.: Галея Принт, 2004. Ч. 3. 136 с.

Рейтблат А. И. Конкевич Александр Егорович // *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь.* М.: Большая российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 57–58.

Широкопад А. Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск: Харвест, 2000. 1155 с.

References

- Boltrukevich, V. A. “Sredizemnoe more budushchego’: Dal’nevostochnye i severnye opornye punkty dlia vedeniia ‘kreiserskoi voiny’.” [“The Mediterranean Sea of the Future’: Far Eastern and Northern Strongholds for Conducting a ‘Cruising War.’”] *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 11 (667), 2015, pp. 19–26. (In Russ.)
- Boltrukevich, V. A. “Obsuzhdenie strategii kreiserskoi voiny v voenno-morskikh krugakh Rossii” [“Discussion of the Strategy of Cruising War in Russian Naval Circles”]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii 2: Istorii. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, no. 1 (38), 2011, pp. 49–59. (In Russ.)
- Zonin, S. A. “Pod psevdonomom Belomor” [“Under the Pseudonym Belomor”]. *Gangut*, no. 15, 1998, pp. 98–102. (In Russ.)
- Kislitsyn, A. V. *Razvitie artillerii Rossiiskogo Imperatorskogo flota (nachalo 1890–1904 gg.): na primere modernizatsii vooruzheniia bronenostsev* [The Development of Artillery of the Russian Imperial Navy (Early 1890s – 1904): On the Example of Modernization of Armament of Battleships: PhD Dissertation]. Bryansk, 2021. 216 p. (In Russ.)
- Koz’iakova, M. I. “Mifologema dnia i nochi: estetika metamorfoz” [“The Mythologeme of Day and Night: The Aesthetics of Metamorphoses”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul’tury i iskusstv*, no. 4 (102), 2021, pp. 68–79. (In Russ.)
- Kolesnikov, S. P. “K pushkinskomu ponimaniuu prichin pobed russkogo oruzhiia nad Napoleonom: kul’turno-antropologicheskii kommentarii” [“To Pushkin’s Comprehension of the Reasons for the Victories of Russian Weapons over Napoleon: A Cultural and Anthropological Commentary”]. *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra Ural’skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, no. 1 (53), 2022, pp. 59–63. (In Russ.)
- Kondratenko, R. V. *Morskaia politika Rossii 80-kh godov XIX veka* [The Maritime Policy of Russia in the 80s of the 19th Century]. St. Petersburg, LeKo Publ., 2006. 343 p. (In Russ.)
- Mikhailov, A. A. “Morskie tverdnyi. Otechestvennaia publiksistika vtoroi poloviny XIX veka o sozdanii voenno-morskoj bazy na severe Rossii: A. E. Konkevich i V. N. Semenkovich” [“Sea Strongholds. Domestic Journalism of the Second Half of the 19th Century on the Creation of a Naval Base in the North of Russia: A. E. Konkevich and V. N. Semenkovich”]. *Voina i oruzhie: Novye issledovaniia i materialy* [War and Weapons: New Research and Materials]. St. Petersburg, Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps Publ., 2016a, pp. 37–57. (In Russ.)
- Mikhailov, A. A. “Problemy voenno-morskogo bazirovaniia v Arktike (1880–1890 gg.)” [“Problems of Naval Basing in the Arctic (1880–1890)”]. *Voenno-istoricheskii zhurnal: Izdanie Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii*, no. 5 (673), 2016b, pp. 10–17. (In Russ.)
- Nesolenyi, S. V. *Minonostsy Pervoi eskadry flota Tikhogo okeana v russko-iaponskoi voine. 1904–1905 gg.* [Destroyers of the First Squadron of the Pacific Fleet in the Russo-Japanese War. 1904–1905]. St. Petersburg, P. P. Munirov Publ., 2009. 108 p. (In Russ.)
- Noskov, V. V. “Voiny kapitana Konkevicha (vymysel i real’nost’ v proizvedeniiah A. Belomora)” [“The Wars of Captain Konkevich (Fiction and Reality in the Works of A. Belomor)”]. *Novyi chasovoi*, no. 10, 2000, pp. 196–201. (In Russ.)

Текстология. Источниковедение

В. Л. Проскурина. Идеи развития российского военно-морского флота
в маринистической трилогии А. Е. Конкевича

Parks, O. *Linkory britanskoi imperii* [*Battleships of the British Empire*], part 3. St. Petersburg, Galeia Print Publ., 2004. 136 p. (In Russ.)

Reitblat, A. I. "Konkevich Aleksandr Egorovich" ["Konkevich Alexander Egorovich"]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary*], vol. 3. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1994, pp. 57–58. (In Russ.)

Shirokorad, A. B. *Entsiklopediia otechestvennoi artillerii* [*Encyclopedia of Russian Artillery*]. Minsk, Harvest Publ., 2000. 1155 p. (In Russ.)